

Известие * Всесоюз. 1941/2

Непр.

О ЧЕМ МЫ ДУМАЕМ, О ЧЕМ СПОРИМ

ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

МОЙ ТЕАТР — имени Евг. Вахтангова — один из первых в Москве открыл свой новый, пятидесятый, сезон. И открыл его нестареющей «Принцессой Турандот» — постановкой, связанной с именем прекрасного человека, яркого и темпераментного художника сцены Евгения Вахтангова! Спектакль был праздничным, искрометным, озорным. И как играли в этот вечер мои товарищи по сцене — и молодые, и умудренные опытом!

...А сегодня был первый мой спектакль — «На всякого мудреца довольно простоты» А. Островского, где я играл «важного господина» Крутицкого. Зрители принимали нас великолепно. Но вот утихли аплодисменты, закрылся занавес, разошлись актеры по своим гримерным. И в этой сосредоточенной тишине, еще не остыть от радостного возбуждения, от встречи с искусством, от тепла зрительного зала, я сел за столик, стал разглагольствовать. В эти минуты актер, по-моему, всегда должен мысленно оживить в своем воображении все, что было в этот вечер на сцене, с первого выхода, с первого жеста, слова. «Прокручивается» воображаемая кинолента спектакля, и отмечаешь сам для себя, где, что упустил, где неверно прозвучала та или иная интонация, где не удалось «подойти» верное сценическое самочувствие. За многие годы работы в театре я приучил себя к этому ежевечернему придирчивому и нелестному анализу, «диалогу» с самим собой. И считаю его полезным и необходимым не только для актера, но и для каждого человека, взыскательно, творчески относящегося к себе, к своему делу.

Зачем это нужно? Для чего? Видите ли, я убежден в том, что, анализируя, находя свои ошибки, недочеты и постоянно устраняя их, можно стремиться к совершенству в своем деле. И наоборот, стоит дать себе поблажку раз, два, три, как случайная ошибка фиксируется, как повторения превращается в неверный условный рефлекс, исправить который потом, ох, как трудно. Это относится не только к нам, актерам. Например, молодой драматург написал несовершенную пьесу. Но — важная тема, герои, речь идет о нашей

Николай ПЛОТНИКОВ,
народный артист СССР

□ □

современности. Театр помогает драматургу, дорабатывает пьесу. Она, наконец, увидела сцену, принесла кое-какой успех. Драматург, подогретый им, пишет вторую. Театр заинтересован в ней, вновь дорабатывает. История повторяется. Закрепляются предыдущие ошибки, недочеты. Более того — драматург, уже не тот робкий новичок в театре, начинает болезненно воспринимать и критику, и замечания театра. И вот финал этой горькой истории: не родился художник, трепетно относящийся к искусству, — родился ремесленник! Ведь умение исправлять ошибки свои — тоже искусство!

Думаю, что постоянная высокая требовательность к себе, к своему творчеству, чувство ответственности — непременные условия для нормального развития и совершенствования таланта любого художника.

Я вспоминаю, что однажды Евгений Багратионович Вахтангов написал письмо своим ученикам, молодым артистам. Были в нем такие слова: «Нам кажется, что сегодня я такой же, каким был вчера... Хитро обманывает жизнь, хитро завязывает глаза и отвлекает нас, а сама мчит день за днем, незаметно для нас нанизывает на короткий стержень продолжительности нашего существования. Мы и не замечаем, как приходит и кончу вместе с ней стержня, как скоро не на что будет нанизывать. Оглядываясь — и становишься страшно, что же делал все эти дни моей жизни. Что вышло главным, чему я отдал лучшие часы дней моих. Ведь я же не то делал, не того хотел. А если б можно было вернуть, как бы я прожил, как бы хорошо использовал часы земного существования».

У вас есть возможность не сказать этих слов. Поздних и горьких.

Вы богаты.

И так расточительны, небрежливы и молодо беспечны».

Я вспоминаю слова эти великого режиссера и думаю: как же современные они, как глубоко лично звучат они для меня, побуждая в душе великое чувство неудовлетворенности собой и жажду совершенства. Воюя с душевной леностью, расточительностью, актерской инертностью, Вахтангов предосте-

регал молодых художников от поздних и горьких раскаяний, звал бескорыстно и щедро служить искусству яркому, возвышенному, праздничному... Он мечтал создать Народный театр, постановки которого были бы непременно грандиозны, непременно с массовыми сценами, непременно героического репертуара. Истинно народный театр, «отражающий и растящий революционный дух народа». И все его блестящие постановки, в том числе и знаменитая «Принцесса Турандот», вписавшие незабываемые страницы в историю советского театра, — лишь подступы к осуществлению мечты.

Я ПИШУ об этом сегодня после спектакля и вспоминаю имя Вахтангова вновь потому, что его идеи, гражданские и художественные, не отданы истории, а живут в нашем сегодняшнем творчестве, оплодотворяют его. Да, мы богаты животворными традициями, созданными великими художниками театра — К. С. Станиславским, В. И. Немировичем-Данченко, Е. Б. Вахтанговым, Р. Н. Симоновым, В. Э. Мейерхольдом, А. Д. Поповым, Н. П. Охлопковым и другими. И мы не имеем права быть расточительными, небрежными, беспечными в отношении к нашему наследию.

Мысленно представляю себе путь нашего истинно народного театрального искусства, его движение, многообразие проявлений. И думаю о животворной силе художественных традиций, о прекраснейшем, искреннем, правдивом и поэтичном искусстве нашем.

Недавно я принимал участие в работе жюри смотра «Московская театральная весна-71». Немало видел разных спектаклей. И нет-нет да и возникала во время этих просмотров такая мысль: будто где-то уже видел я и такие «станки» на сцене и подобные условные конструкции. Но вот выходит на сцену актер, и сердце его полно чувств, правды жизни! И думаешь: ах, как мне мешает это скучное, унылое по мысли, «безобразное» оформление! Как жаль актера, который вынужден то ползти по гигантским ступенькам на сцене, то возвращаться вновь (может быть, по

мысли художника, это — ступени жизни героя, ее «зигзаги»?)). Сидишь и гадаешь, что хотел сказать этим ребузом театр, и незаметно уходит правда искусства актера, правда жизни, форма оказывается агрессивной по отношению к содержанию!

Помню, был у меня такой случай. Николай Павлович Охлопков ставил «Мать» Горького, и играл я в этом спектакле роль Находки. Моего героя выпускают по ходу действия из тюрьмы. Художник спектакля Яков Штоффер поставил на сцене тюремную решетчатую дверь. И вот однажды на репетиции я предложил ему поставить не одну дверь, а пять! Мол, царская Россия — тюрьма для трудящихся. Мысль понравилась. Поставили на сцене пять дверей, пять тюремных решеток. И вот — удивительно: такое образное решение стало «работать» на меня, актера! Помогать мне. Мне открывали одну дверь, вторую... А на душе моей уже что-то накапливается, поднимается. Третья дверь — грудь сдавило! Четвертая — слезы навернулись на глаза! Пятая — Находка мой выходит на волю, падает сверху на меня желтый свет, и скрипки рыдают: «Замучен тяжелой неволей...» Любимая песня Ильича! И даже сейчас, пишу эти строки, представляю себе путь этот Находки, а переживаю так, будто только что сыграл все вновь, будто спектакль этот — не достояние памяти театралов, а живой — настолько все в нем рождено было верным чувством правды жизни!

Интересно, что это верное самочувствие, пришедшее с точно найденным образным решением сцены в спектакле, не давало возможности мне, актеру, хотя бы раз сыграть вполсилы. Каюсь, однажды мне надо было побыстрее сыграть эту сцену: не успевал на один важный концерт. Я попросил актера, который играл тюремщика, открывать двери без всяких задержек: «Эмоций, всяких слез там, сегодня не будет!..» И что же? Началась сцена. Открываются двери, а я уже не могу — нахлынули властно верные чувства, стеснило грудь, вновь навернулись слезы, и, наконец, — солнце свободы, и скрипки зарыдали... и забыл я, что нужно мне спешить! Правда жизни, правда искусства властно захватили меня!..

ТАКИХ примеров в жизни каждого актера немало. В минуты эти чувствуешь и глубину, и силу порыва вдохновения, и красоту, и благородство прекрасной нашей актерской профессии. Да, верно, театр — это общественная кафедра, но это — и праздник. Не в смысле праздности, бездумного развлечения, а праздник оттого, что человек познает в нем, в театре, новое, еще неизведанное,

чувствует себя, я бы сказал, сохудожником, сотворцом искусства, ибо театральное искусство рождается, как в вольтовой дуге, от слияния мыслей и чувств в зрительном зале и на сцене. И стоит сфальшивить кому-либо на сцене, взять неверную ноту, и разрушен волшебный контакт. Бывает, что плачет актриса, что называется, «живыми» слезами, как и требовал того режиссер на репетициях. Все верно, а зритель толкает товарища в бок, бинокль дает: «Посмотри-ка, плачет! По-настоящему!» Вроде бы — правда жизни на сцене (плачет-то актриса взаправду), а искусства нет. Отчего же? Искусство всегда требует не копирования жизни, а поэтического, художественного обобщения: только так возникает эта магическая сила, объединяющая артиста со зрительным залом в едином порыве.

У Стендаля в трактате «О любви» есть такое красивое определение — «кристаллизация». Зеленую ветку бросили в соленую воду, и через некоторое время она покрылась удивительно красивыми, сверкающими, прозрачными кристаллами. Стендаль говорит, что это происходит с каждым влюбленным. Истинный художник должен быть таким человеком — влюбленным в жизнь, в людей, в свою Родину. Только поэзия правды, высоких чувств может открывать его беспокойное сердце. Сезон театральный еще только начинается. Первый сезон после XXIV съезда нашей партии. Сколько на нем, и в докладах, и в выступлениях говорилось об искусстве. И разве можем мы, люди творчества, не ответить на эту заботу партии делом. И я думаю, сколько же новый сезон принесет нам открытий, сколько радости подарят актеры зрителям во всех театрах, больших и малых, по всей нашей стране!